

Индивидуальные задания

Преподавательница: — Сначала, пожалуйста, историю вопроса.

Птицын: — Мы трое — я, Серега и Толик в школе посещали драмкружок — представляли живые картинки. И здесь охота было чего-нибудь представить.

Вот вы и дали задание: изобразить какое-нибудь произведение искусства. Сначала мы хотели изобразить трех медведей, ну что в буфете... Нас трое — и их трое. Потом выбрали Медного всадника. Их трое — и нас трое.

Голос: — Где ж вы нашли трех «Медных всадников»?

Птицын: — Сам всадник — раз. Конь — два. Змий — три. До трех, как-никак, мы считать умеем.

Голос: — А кто у вас за Змия?

Птицын: — Лучше спроси, кто у нас император Петр I? Серега. Как глазища выпучит, куда там!

Но я не захотел — он своими кроссовками мне бока так пришпорил, что у меня глаза на лоб полезли.

Толик у нас был Змием. Сам определился. Под ногами, то есть у меня под копытами, путался и все шипел: «Ничего не выйдет».

Голос: — Гад, а туда же — пессимист. Ну, давайте показывайте.

Птицын: — Но мы вам другое покажем... Закройте глаза (*Шепотом*). Венок мой давай, венок!

Голос: — У них никак конь в венке?

Серега: — Куда подевали крылья, собаки?

Птицын: — Ну все. Открывайте глаза!

Голос: — И что все это, извините, обозначает?

Птицын: — Серега, давай свой научный комментарий.

Сергей: — Значит так: я, Птицын и Толик, мы трое — надгробие.

Голос: — Заблаговременно обзавелись. На троих сообразили?

Сергей: — Значит так: я, Птицын и Толик, мы — монумент Пэ И Чайковскому, великому русскому композитору, который стоит в Александро-Невской лавре.

Птицын и есть великий композитор... Даже бороду клинышком отпустил... А я, к примеру, ангел.

Голос: — Ну и ангел! Разве ангелы такие бывают?

Сергей: — А какие бывают?

Голос: — Да я так. Точь в точь как ты. Только почему у тебя венок на носу держится. Личности ангела не видеть.

Сергей: — Немножко великоват.

Голос: — С большого, видно.

Птицын: — Бросьте, ребята. Ангел как ангел. В натуральную величину.

Голос: — Ладно. На худой конец сойдешь за ангела. А Толик-то что у вас сиротой сидит с постной физиономией?

Толик: — Я это самое... вдохновение.

Голос: — Да разве вдохновение можно изобразить?

Толик: — Можно. Видишь, я сажу такой заду-у-мчивый?

Голос: — Так. Значит, Толик надгробное вдохновение. Ну, ребята, вы потрудились.

Еще один голос: — Извиняюсь. Маленькая неувязка. Картины живые, а надгробие неподвижное?

Сергей: — А ты хоть раз в жизни виделдвигающееся надгробие?

Голос: — Слава господи, не приходилось.

Сергей: — Если хочешь знать из науки: скульптура имеет ту отличительную черту, что ее можно рассматривать что с переду, что с заду.

Голос: — Что же вы, надгробники, не показали нам, что у вас с заду. Может, какая новая грань искусства открылась бы.

Сергей: — А Толик уже...

Голос: — „Уже“ что?

Сергей: — Уже открыл новую грань... Он, может, первый доказал, что вдохновение может быть изображено искусством.

Голос: — Это: „Сажу такой заду-у-мчивый“?

Птицын: — А ты не смейся. Гениальное всегда просто.

Голос: — Здорово, ребята, вы Толика в гении вывели! Свой собственный гений — колоссально! Супер!